

АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

След
на болоте

МОСКВА

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

След
на болоте

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П62

Художник Алексей Дурасов

П62 **Посняков, Андрей Анатольевич.**
След на болоте / Андрей Посняков. — Москва :
Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-218175-7

Конец шестидесятых. В небольшом северном городке Озерске произошло ЧП — ограблена и убита вместе с водителем кассирша местного леспромхоза. Пропала крупная сумма денег, машина инкассаторов утоплена в болоте. Опергруппа во главе со следователем Сергеем Пенкиным начала определять круг подозреваемых. Им помогает то, что здесь все друг друга знают, и незнакомцу укрыться трудно. Тем более — сбежать незамеченным с большими деньгами. Возможно, преступник затаился до поры в Озерске и ждет удобного случая, чтобы покинуть район. Предположение сыщиков подтвердило новое громкое преступление, потрясшее мирных жителей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-218175-7

© Посняков А.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ПРОЛОГ
*Окрестности Озерска.
8 мая 1969 года, четверг*

По грунтовой дороге, тянувшейся меж дремучими зарослями девственного, почти первобытного леса, пылил грузовик — не совсем обычная для этих мест чехословацкая «Татра», точнее — «Татра-138». Выкрашенная синей краской кабина с новомодным округлым капотом, панорамные стекла, решетка радиатора в виде расходящихся лучей, оранжевые указатели поворотов, «габаритки-усы» на крыльях.

— А какой плавный ход! Не смотри, что грузовик — двенадцатитонник. Не машина — сказка! — переключая перед подъемом пониженную передачу, не удержавшись, похвастался шофер — усатый крепыш лет сорока в промасленной тужурке и серой, в мелкий рубчик, кепке.

— Что-что? — повернув голову, переспросила сидевшая рядом с водителем пассажирка. — Ты что сказал-то, Иван? А то я вся сижу, задуманная да-ак...

Этим вот местным говорком отличались почти все жители окрестных деревень. Они все время вставляли в конце предложения «да-ак», тянули слова и завывали

в конце фразы тон так, что было не совсем понятно: то ли утверждают, то ли спрашивают. Некоторые еще произносили твердое «Ч»: зачѐм, почѐму...

— Дак, Вера, говорю — машина хорошая!

— Так я и вижу, Вань! Эвон, сиденье-то — целый диван! Спать можно...

Хмыкнув, пассажирка поправила на голове узорчатую косынку и погладила большую почтальонскую сумку из черного кожзаменителя. Сумку эту Вера — кассир Межозерского леспромхоза Вера Федоровна Бортовая — постоянно придерживала рукой. Еще бы! Деньги ведь везла!

Нынче вот и с машиной повезло, и с шофером: Иван Пахомович — шофер первого класса, водитель опытный, так что до деревни Рябой Порог уж доберутся, всяко, несмотря на распутицу и весеннюю грязь. Нет, кое-где-то уже и подсохло, но в иных местах — ого-го!

— Ну, Федоровна, держись! — снова переключив передачу, водитель форсировал огромную лужу.

«Татра» шла мягко, легко, словно катила не по колдобинам, а по асфальту.

— Вот это машина! — снова восхитился шофер. — На «газоне» давно бы завязли... Хоть и надежная машина, а руки после рейса болят так, что не уснешь без стакана. Все потому, что гидравлики нет! А здесь все удобно, все под человека сделано! И подвеска... и обзор какой... Как на «Волге» едешь! Вот плохо, что радио здесь не ловит... Глушь!

— Ой, да это еще не глушь, Ваня! — расхохоталась кассирша. — Вот Рябой Порог — вот там глушь. Или какое-нибудь Ляхтино... Ой! А машину-то твою паром выдержит?

СЛЕД НА БОЛОТЕ

— Вы-ыдержит! Не переживай, Вера! А, чай, много денег-то возем?

— Да уж немало! — женщина поправила серенький пиджачок, накинутый поверх темного платья из плотной ткани. — Зарплата на пять бригад, да еще к Девятому мая — премия! Всего около тридцати тысяч!

— Ох, е-мое! — Иван Пахомович в изумлении всплеснул руками. — Это ж выходит... Пять «Волг»! Или семь новых «Москвичей» «четыреста двенадцатых»!

— Ну, так... — скромно потупив глаза, женщина взглянула на водителя с какой-то затаенной гордостью: мол, кому попало такую сумму не доверят!

— Уважают тебя, Вера Федоровна!

Кассирша довольно приосанилась и, повысив голос, похвалила машину — специально, чтобы было приятно водителю.

— Вот как-то на «козлике» ехали с Никешиным. Так натряслись, думала, вся душа вон.

— На «козлике» мы вряд ли бы проехали, — покивал шофер. — По Ляхтинской-то дороге — ну не-ет... Коли бы мост был — другое дело...

— Да уж, худо, когда в объезд... Там ведь одни болота кругом, гнилая топь. Забредешь — не выберешься. Зато клюк-квы! Ой, красота-то какая! — повернув голову, вдруг восхитилась Вера. — Вот всегда — сколько смотрю...

Иван Пахомович улыбнулся и погладил руль — дорога как раз проходила мореной грядой, с которой открывался великолепнейший вид на всю округу — на деревни, на колхозные поля с молочными фермами, на перелески и петляющую речушку Вяльицу, на синеющий вдали лес...

— Деревень-то тут мно-ого... — протянула кассирша. — Сама Вяля, Онфимово, Пальчино, Косой Бугор...

— Низовье еще...

— Да, Низовье... ой, как палит-то!

Слово «палит» на местном диалекте означало — «очень быстро мчится» — и относилось оно к мотоциклисту, внезапно обогнавшему грузовик как раз у окончания гряды и едва разминувшемуся с вынырнувшим из-за поворота «пятьдесят первым» колхозным «газоном». Кузов «газона» был доверху загружен свежим навозом с ближайшей фермы. Уж такое кругом стояло амбре!

— От ведь, — наморщив нос, посоветовала кассирша. — Носятся как угорелые! Пока шею не сломают.

— Чудик какой-то, — хмыкнул водитель.

— Почему чудик? — повернула к нему голову Вера Федоровна.

— В шлеме!

— А-а-а! Ну да... А я и не заметила — быстро пролетел, да и пылища... Да, наши-то в шлемах не ездят, чай, не танкисты! Городской, верно... На праздник в гости к кому-то...

— Вообще-то, Федоровна, все в шлемах ездить должны, — разъяснил шофер. — И мотоциклисты, и те, что на мотороллерах. Закон такой еще в позапрошлом году приняли...

— А что же никто не...

— Да потому что у нас пока не штрафуют! — рассмеялся Иван Пахомович. — ГАИ — в Тянке, участковый один на всех не разорвется. Кто следить будет?

— Участковый? — вдруг встрепенулась женщина. — Игорь-то Дорожкин? Парень хороший, уважительный...

СЛЕД НА БОЛОТЕ

Недавно постельное белье мне нашел! Представляешь, Иван, среди бела дня пододеяльник украли и две простыни! У дома сушились, на веревке...

— Да ну!

— Вот те и ну... И знаешь, кто украд? Шалава-то с Нагорной — Танька Щекалиха!

— Щекалиха? Ну-у, эта может... А ведь молодая девка совсем!

— Молодая, да ранняя! Смотри, Иван, поворот не проспи.

— Да вижу...

Сбавив скорость, тяжелая машина свернула на узкую лесную дорожку, с незапамятных времен зовущуюся Ляхтинской — была там такая деревня, Ляхтино, давно уж заброшенная...

Из коричневых глубоких луж полетели брызги, зачавкала под колесами грязь...

— Ой, не застрять бы! — заволновалась пассажирка.

— На «Татре»-то? — рассмеялся водитель. — Да у нее все мосты ведущие! Не машина — зверь... Александр Федорыч знает, какой транспорт послать!

— Это Колесников-то?

— Он... Недавно к нам перевелся, завгаром. Душа-человек! И руки — золотые.

— Да уж знаю... Ой, Иван... А что его Керенским-то прозвали? Он же враг народа... ну этот... Керенский...

Правду сказать, Вера Федоровна в истории разбиралась так себе... Впрочем, и водитель не лучше... Хотя кое-что все же знал!

— Не, Федоровна, не враг народа. Керенский — он при царе был... А отчество его — Александр Федорович!

Ну как у нашего завгара. А прозвали его так на фронте еще! Он рассказывал...

— А-а, вон оно как, — кассирша на минуту задумалась, а потом спросила про Колесниковых дочек — семью-то она знала... Да в Тянке все друг друга знали, городок-то — всего четыре разросшиеся деревни.

— Дочки? — переспросил шофер. — Старшая, знаю, в Риге, замужем за моряком. А младшая, Женя, — в Ленинграде, студентка.

— Смотри-ка, молодец какая! В самом Ленинграде, ух!

С обеих сторон теснил дорогу густой смешанный лес — настоящая чаща. Высились осины и сосны, помахивали колючими лапами угрюмые ели, в сырых местах разрослись бредина с ивою... Царапнули кабину ветки...

— Клюквы тут пропасть да груздей... — сказала кассирша и неожиданно поежилась: — Но, говорят, тут и медведи...

— Медведи-то нам не страшны! — расхохотался Иван Пахомович. — А вот буреломы — да. Ветер-то третьего дня был...

— Ох да. Ураган целый! У нас белье унесло... А у Потаповых, говорят, с сарая крышу сорвало!

— Вот я и говорю — бурелом...

Сказал — и как накаркал! Сразу за поворотом перегораживала дорогу недавно упавшая осина. Не особо большая, но...

— Ничего, распилю! — успокоил женщину водитель. — У меня тут ножовка...

Выскочив из кабины, Иван Пахомович подошел к древесному стволу... Сбоку, слева, что-то хрустнуло... Неужели и вправду — медведь?

Он осторожно выпрямился... и вздрогнул! В грудь ему смотрело черное дуло пистолета! Кто-то в зеленом брезентовом плаще целился прямо в него! И целился недолго...

Миг — и лесную тишину разорвал гулкий звук выстрела. И тут же — еще один... Схватившись за грудь, Иван Пахомыч тяжело повалился в грязь...

Убийца же тотчас подскочил к машине...

Женский крик...

Выстрел...

И — сразу — еще один...

Оглянувшись по сторонам, лиходея затащил труп шофера в кабину и сам уселся за руль — широкое сиденье «Татры» было рассчитано на троих.

Заурчал двигатель...

Немного сдав задним ходом, он направил грузовик в заросли, на широкую тропку, и тяжело покатил к трясине... На полпути остановился, вытащил сумку и снова уселся за руль.

Разогнав машину, насколько было возможно, мужчина выпрыгнул из кабины у самого края трясины...

Грузовик с трупами засосало быстро — урочище Гнилая Топь оправдало свое название.

Когда над ряской остался лишь край кузова, убийца повесил на плечо тяжелую почталъонскую сумку и, оглядевшись по сторонам, зашагал куда-то по еле заметной тропке.

Шел недолго. Впереди, за деревьями, показались старые, с провалившимися крышами, избы. Ляхтино — заброшенная деревня.

За деревней журчал мелкий каменистый ручей (или по-местному — рúчей), через пару-тройку километров

впадавший в небольшую речушку Мокшу. Вдоль ручья, ныряя в заросли бредины и рябины, вилась меж кустами узенькая рыбацкая тропка.

Поправив сумку, грабитель глянул на затянувшие все небо тучи и ускорил шаг. Вскоре он был уже у самой Мокши... После разлива река была широкой и бурной, а в обычное время — просто ручей, мелкий и непригодный для рыбацких лодок. Разве что байдарки...

— Черт! — чертыхнулся убийца, услышав донесшиеся от реки голоса, резко остановился и сбросил сумку в траву. Чуть выждал и осторожно выглянул, отведя в сторону ветки ивы.

Ну кому здесь еще быть? Нет, не рыбаки — для них сыровато, да и дороги, считай, нету... Тогда кто же?

Потянуло дымком — неизвестные жгли костер...

Двое парней и три девушки. По виду — студенты... Слышались веселые голоса и смех... Потом донесся перебор гитары:

— *Ты у меня одна, словно в ночи луна...*

Туристы, чтоб вас черти взяли!

Мужчина выругался про себя и сплюнул. Вот ведь, принесла же нелегкая! Ну точно — туристы! Вон и палатка... а вон, на бережку, байдарки. По высокой-то воде — самое милое дело, однако опасное... Однако же безголовых нынче много. Одно слово — романтика!

Словно в году весна, словно в степи сосна...

Уху варят... Ух, запах-то какой, запах!

Убийца задумался... И что теперь? Плохо, если заметят... Потом ведь могут и рассказать. Что же остается? Идти в обход, краем болота, а потом по старой Ляхтинской дороге? Муторно и долго... Опять же, и там можно невзначай кого-нибудь встретить...

Черт! Ну надо же как не повезло!

А что, если... Нет! Стрелять больше не надо, это уж слишком. Да и многовато их... Тогда надо бы... Ну а что? Почему бы и нет? Как говорится — подальше положишь, поближе возьмешь. Большие деньги все равно «светить» пока рано... выждать, может быть, год или хотя бы до осени. Да и пистолет с собой таскать — дело дурацкое, а выбросить жалко. Вдруг сгодится еще?

Ну, значит, что тут и думать-то?

Приняв решение, убийца заметно повеселел и, подхватив брошенную сумку, направился обратно, в заброшенную деревню. Шел быстро, и через полчаса уже показались избы.

Остановившись около самой разваленной — в такой точно никто ночевать не станет, открыл сумку... ненадолго задумался... и вытащил из нее запечатанную денежную пачку — сотня красненьких купюр по десять рублей — тысяча! Сумма немалая... Однако уж это-то можно незаметно потратить. Так, по всякой мелочи!

Довольно цокнув языком, убийца подбросил пачку на ладони и сунул в карман. Осмотрелся и проворно полез под провалившуюся крышу, припрятав в разваленной избе сумку с деньгами, пистолет... и новенькую ножовку! Припрятал хорошо, так, чтобы случайно никто не нашел, если вдруг... Ну кому такая развалюха нужна? Конечно, определенный риск есть... но куда как меньший, чем ежели держать такую сумму дома! Да ее еще довести надо...

Упали первые тяжелые капли. Начинался дождь — весьма кстати...

Подняв капюшон, мужчина как ни в чем не бывало зашагал по тропе с самым деловым видом... кажется, его не заметили...

— Здравствуйте!

Нет, все же заметили!

Не оборачиваясь, он лишь махнул рукой и, ускорив шаг, быстро скрылся в ельнике...

Никто за ним не пошел... даже не окликнули. Ну и хорошо, ну и славно!

Вовсю хлестал дождь, чавкала под ногами грязь, и брезентовый плащик быстро промок насквозь. Было три часа пополудни.

ГЛАВА 1

Урочище Гнилая Топь.

9 мая 1969 года, пятница

— Ну и где твой трелевочник? — замначальника Озерского отделения милиции Игнат Ревякин с неудовольствием посмотрел на только что подошедшего сержанта.

— Так, товарищ капитан, он же своим ходом едет! — резонно возразил милиционер — парень лет двадцати, из недавно набранных. — Потому и не быстро.

— Понимаю, что своим ходом... Ладно, свободен пока. — Махнув рукой, Игнат подошел к самому краю трясины...

— Степаныч, ты поосторожней тут! — пристроив служебный чемоданчик на старый пень, на всякий случай предупредил техник-криминалист Теркин.

Заядлый охотник, грибник, рыбак... и немного пьяница, криминалист прекрасно знал все окрестности, и к его словам следовало прислушиваться.

Пожав плечами, замначальника поправил пиджак и отошел в сторону, внимательно осматривая следы колес...

Игнат Ревякин был человеком добросовестным и честным, хоть и немножко грубоватым... для некоторых. За словом в карман не лез и к начальству особого

пиетета не испытывал. Наедут — так мог и ответить. За что и был когда-то «сослан» из райцентра на периферию, в Озерск... Там и прижился, и вот дорос почти до начальника. Сам начальник, старый фронтовик, подполковник милиции Иван Дормидонтович Верховцев, Ревякина хвалил, защищал и, в очередной раз собираясь на пенсию, прочил на свое место.

Крепко сбитый, с широким волевым лицом и короткой — ежиком — стрижкой, Игнат чем-то напоминал боксера-тяжеловеса и характер имел точно такой — бойцовский. Однако, получив должность, уже неплохо освоил и бюрократическую науку — все ж опер, не кто-нибудь! Вот и дополнительную ставку участкового уполномоченного недавно выбил... Все-таки два участковых на такой «куст», а не один!

— Матвей Африканыч, что-то у нас участковый где-то запропал! Тебе не кажется?

— Может, нашел чего? — вытащив из чемоданчика фотоаппарат «ФЭД» третьей модели, обернулся Теркин.

— Да и Мезенцева где-то черти носят! — Ревякин нервно посмотрел на часы...

Вот не любил он так — стоять без дела, распоряжаться... Впрочем, что сейчас было делать? Местность всю уже осмотрели, грузовик руками из болота не вытащить — оставалось лишь ждать.

О пропаже леспромхозовской «Татры» с шофером, кассиршей и зарплатой заявили вчера вечером. Директор лично заехал на своем «Москвиче». Еще бы, такое дело! Выехали еще в полдень, и с тех пор ни слуху ни духу. Хорошо хоть маршрут был известен...

Вот в урочище и нашли, в Гнилой Топи! Все, как и предсказывал Теркин, Матвей Африканыч... В здеш-

СЛЕД НА БОЛОТЕ

них местах издавна проживало много староверов, потому такие отчества, как Африканыч, Дормидонтович, никого из местных не удивляли.

— Много у них денег-то было? — сделав пару снимков, поинтересовался криминалист.

— Около тридцати тысяч...

— Ого!

— Вот и я говорю... Ну что? Еще разок дорогу осмотрим?

— Так ведь смотрели уже!

— И что? Мало ли, вдруг что-то важное упустили?

Вообще-то, ради такого дела можно было бы прихватить и служебную собаку с кинологом... Однако всю ночь напролет хлестал дождь — настоящий ливень, так что какая уж тут собака! Какие уж тут следы. Если что и было — смыло все ко всем чертям. И все же хоть что-то надо было найти, хоть какую-то зацепку...

* * *

Пока замначальника отделения и техник-криминалист мерили шагами раскисшую от дождей грунтовку, помощник оперативного уполномоченного Мезенцев с новым участковым, младшим лейтенантом Сорокиным, бросив мотоцикл, ходили вдоль речушки. Зброшенную деревню они уже успели осмотреть, ничего подозрительного не обнаружив. Да и кому нужно было туда заходить? Хотя, может, местные рыбаки...

— Ну неужели никого с ночевкой не принесло, а, Василий? — Обернувшись, Мезенцев посмотрел на участкового — тщедушного чернявого парня с небольшими

усиками. Сорокин, вообще-то, был из Тянска и свое назначение в Озерск воспринял как-то не очень. Но где было место, туда и пошел... вернее сказать — направили. С начальством не поспоришь!

Пока что младший лейтенант приглядывался к участку, ездил на казенном «Урале» по деревням, так сказать, знакомился. Жил он пока у себя дома, в Тянке, приезжая на работу каждый день на первом же рейсовом автобусе. Правда, по правилам, участковый должен жить на участке, и начальник отделения подполковник Верховцев обещал решить этот вопрос в самое ближайшее время.

Максим Мезенцев — младший опер или, как официально именовалась должность, «помощник оперативного уполномоченного», пока что жил с мамой и в ближайшее время переезжать никуда не собирался, поскольку был еще не женат... хотя имел кое-какие виды. А вот его младшая сестра Катерина не так давно вышла замуж за участкового уполномоченного Дорожкина, и их дочке, племяннице Светочке, уже исполнилось больше года. Максим же... Крепкий и красивый парень с густыми светло-русыми волосами, с ясным и прямым взглядом всегда нравился девушкам... одна даже — подружка младшей сестры — все три года писала ему в армию письма... А потом выросла и уехала в Ленинград, учиться на юриста. Если бы не уехала, может, что и сложилось бы, однако пока вот так...

Да, еще имелась у Макса подруга в Тянке, из бывших школьных, и с той-то все было по-взрослому... Но тоже что-то не срослось — слишком уж меркантильной оказалась... и это еще мягко сказать! Так что в свои двадцать три года Максим Мезенцев считался в Озерске завидным женихом — тем более что он учился заочно

СЛЕД НА БОЛОТЕ

и уже со следующего года мог претендовать на лейтенантское звание и на полную должность, без всяких там «младших помощников». А это и уважение, и оклад не как у сержанта.

— Так и кому тут ночевать-то? — потянувшись, зевнул Сорокин. — Всю ночь ведь ливень!

— А вчера? — тут же парировал Макс. — Дождь-то не с утра начался... Кто-то, может, и был... да задержался — тот же дождь и переждал.

— Так в деревне никаких следов! Значит, никого и не было.

— Могли в палатке... или в шалаше... Ищем!

В заброшенной деревне Ляхтино из десятка изб укрыться или заночевать можно было лишь в двух, и то с большой осторожностью. Сгнило давно уже все! Так что проверку провели быстро — никаких свежих следов. Верно, с зимы еще никто в избы не заходил — печки не топил, оставленные охотниками крупы и соль не трогал.

— Все же я думаю, что у городских нынче три выходных выпало, — шагая по узенькой тропке, вслух рассуждал Мезенцев. — День Победы сегодня — пятница. Потом суббота, воскресенье... Неужто родственников деревенских навестить никто не собрался? Да на рыбалку... А?

Тут Максим был прав, с недавних пор девятое мая — День Победы сделался выходным днем, а потом ввели и пятидневную рабочую неделю... Правда, далеко не для всех, о чем не преминул заметить и участковый:

— Пятидневка-то только у некоторых. Ну на «Техприборе», на «Металлическом»... Ох, звали меня туда — чего, дурак, не пошел?